Деятельность спецслужб Дальневосточной Республики по информационному обеспечению внешнеполитической деятельности буферного государства в 1920—1922 гг.

© 2009

Т. Орнаукая, М. Чепик

На основе новых источников рассматривается информационное обеспечение внешнеполитической деятельности правительства ДВР в период подготовки и проведения международных конференций. Приводится содержание полученных в 1921—1922 гг. спецслужбами буферного государства разведанных и ряда секретных японо-белогвардейских и франко-японских документов, которые раскрывали истинные намерения Японии по отношению к российскому Дальнему Востоку.

Ключевые слова: государственная политическая охрана, военная контрразведка, переговоры в Дайрене, Вашингтонская конференция, протокол Японии.

В начале 1920 г. была создана буферная Дальневосточная республика. Она была необходима для ликвидации японской интервенции без войны между Советской Россией и Японией в условиях возрастания опасности войны с Польшей на западе и борьбы с белыми армиями Деникина и Врангеля на Юге России. Перед ней стояли также задачи прорыва экономической и политической блокады Советской России и восстановления внешнеполитических позиций страны в Тихоокеанском регионе. Создание ДВР стало уступкой империалистическим державам, и в связи с этим характерными чертами ее политического и социально-экономического устройства явились многопартийность, парламентаризм, отказ от системы Советов. В ДВР была сохранена смешанная экономика с преобладанием частной собственности, однако, руководящую роль в ДВР играла дальневосточная организация РКП(б).

Стратегия советской внешней политики в начале 1920-х гг. состояла в следующем: сохранить мир, вывести страну из международной изоляции, укрепить деловые связи с капиталистическими государствами для восстановления народного хозяйства, ввести новую экономическую политику. Не менее важными целями оставались восстановление единства страны и ее геополитических позиций на Тихом

Орнаукая Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, начальник отдела по работе с представительствами ГОУ ВПО ДВГГУ, E-mail: ota12@yandex.ru

Чепик Михаил Васильевич, соискатель ГОУ ВПО ХПИ ФСБ России. E-mail: mchepic@rambler.ru.

океане, поддержка революционной борьбы народов. Для реализации этих стратегических целей, по мнению большевиков, необходимо было расколоть антисоветский фронт, сыграть на противоречиях держав и расстроить их агрессивные планы в отношении РСФСР. Если к весне 1920 г., когда была создана ДВР, главными целями РСФСР было недопущение войны на три фронта, выигрыш времени для ликвидации японской интервенции, то к началу 1921 г., когда гражданская война закончилась в центре страны и Сибири, стратегия внешней политики несколько изменилась. При этом смысл существования буфера остался прежним.

Строительство буферного государства осуществлялось на основе “Кратких тезисов по Дальневосточной республике”, утвержденных Политбюро ЦК РКП(б) 13 августа 1920 г., решений пленумов ЦК от 4 и 12 января 1921 г. и прямых указаний В.И. Ленина. Эти документы показывают, что буфер создавался как официально независимый от РСФСР, но в нем правящей должна была быть коммунистическая партия.

Важную роль по информационному обеспечению внешнеполитической деятельности буферного государства в 1920—1922 гг. играли информационный отдел МИД ДВР и спецслужбы республики.

Почти одновременно с Правительством в августе 1920 г. был создан МИД ДВР. Вначале и.о. министра иностранных дел был глава Совета министров ДВР А.М. Краснощёков, затем — по совместительству — глава Совмина Б.З. Шумяцкий (Червонный), затем — вновь председатель правительства ДВР А.М. Краснощёков. Позднее МИД возглавляли И.Л. Юрин (Дзевалтовский) и Я.Д. Янсон. Главным подразделением МИДа был Отдел внешних сношений в составе специалистов, знавших все основные европейские языки, одного япониста и двух китайцев. Кроме того, были сформированы информационный, шифровальный, хозяйственно-финансовый отделы, секретариат и дипкурьерская часть¹. Постепенно сложился штат ответственных работников МИДа, в который входили такие видные партийные и государственные деятели Дальневосточной республики, как П.Н. Караваев, И.Г. Кушнарёв, Э.А. Озарнин (Кистер), Ф.Н. Петров, В.Л. Погодин, Б.А. Похвалинский, Б.Е. Сквирский и др.²

О важности внешнеполитической деятельности ДВР свидетельствует то, что персональный состав делегаций республики назначало не только правительство буфера, но и правительство РСФСР. В.И. Ленин лично занимался подбором кадров не только для работы на международных конференциях, но и в аппарате МИД ДВР. Он сам давал указания о желаемых людях, которых необходимо было назначить в дипломатические миссии³.

Сбором и систематизацией всех материалов, относящихся к политической и экономической жизни, как иностранных государств, так и Дальневосточной республики занимался, Информационный отдел⁴.

Инструкция для представителей ДВР за границей гласила, что им надлежало приступить к организации при их канцеляриях осведомительной части.

Государственная политическая охрана (ГПО) ДВР создана в июне 1920 г. при Совете министров ДВР была. Основными функциями ГПО были борьба с политическими преступлениями и шпионажем на всей территории ДВР. Изначально ГПО была образована при Совете министров республики на правах особого отдела, потом управления, а затем уже и Главного управления. Цели, задачи и структура ее практически полностью копировали Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК) при Совете народных комиссаров РСФСР, тем более, что непосредственное руководство ГУ ГПО осуществлялось ВЧК напрямую — через полномочного пред-

ставителя ВЧК по Сибири, а с марта 1921 г. по февраль 1922 г. и через полномочного представителя ВЧК по ДВР, а также Дальбюро ЦК РКП (б)⁵.

1 сентября 1920 г. президиумом правительства ДВР были утверждены структура и штаты ГПО при Совете министров.

Следует подчеркнуть, что внутренняя структура Главного управления ГПО видоизменялась в соответствии с изменениями внутренней структуры ВЧК, хотя имела и некоторую свою специфику.

Подтверждением “родственности” ГПО и ВЧК послужил доклад министра внутренних дел А.А. Знаменского на заседании Дальбюро ЦК РКП(б) 5 декабря 1920 г., который изложил положение о Госполитохране как особом отделе ВЧК на Дальнем Востоке. Предложения министра внутренних дел сводились к следующему: сформировать органы ГПО в соответствии с образцами, схемами и штатами учреждений ВЧК, осуществлять руководство со стороны ВЧК органами ГПО через Главное управление в лице директора и помощников, в целях укрепления ГПО просить ВЧК командировать своих сотрудников для работы в органах⁶.

11 октября 1921 г. директором Главного управления ГПО был утвержден проект новой структуры (новых штатов) ГУ ГПО⁷. Главному управлению ГПО подчинялись областные отделы (Забайкальский, Прибайкальский, Амурский, Приамурский). На областные отделы замыкались уездные подотделы и железнодорожные осведомительные пункты.

В 1920—1921 гг. кардинальные структурные преобразования происходили в ГПО и по линии борьбы с военным шпионажем в Народно-революционной армии и флоте ДВР.

В 1920 г. в Дальневосточной республике была создана военная контрразведка — Военный контроль при Военном совете Народно-Революционной армии ДВР, а при отделе ГПО — уполномоченные по военным делам.

26 июня 1921 г. был создан Военный отдел ГУ ГПО при Военном совете Народно-революционной армии и флота. Он выполнял функции военной разведки и контрразведки. Военный отдел подчинялся директору ГУ ГПО и Военному Совету НРА ДВР. Военному отделу были подчинены пограничные войска ДВР. Включение военной контрразведки в общую систему органов госбезопасности Дальневосточной республики (по примеру Особого отдела ВЧК) позволило в определенной степени устранить такой серьезный недостаток, как параллелизм в работе с территориальными органами ГПО, ярко проявившийся в период существования военного контроля НРА в 1920 г.⁸

Особое внимание ВЧК, Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР уделяли кадровому вопросу в Госполитохране. Кандидатуры директоров, начальников отделов ГУ ГПО согласовывались с ВЧК и утверждались Дальбюро ЦК РКП (б)⁹.

На руководящие посты в системе ГУ ГПО назначались, как правило, проверенные члены партии, а также сотрудники центрального аппарата ВЧК и местных органов ВЧК из Европейской части России и Сибири.

В разное время начальниками отдела ГПО — директорами Управления ГПО — Главного Управления ГПО Министерства внутренних дел ДВР были:

Ротшильд, Косухин А.А., Ронинов В.А., Савельев Е.Ф., Похвалинский Б.А., Попов В.В., Лапа (Лаппа) А.С., Черных Н.Ф., Быков Г.И., Бельский (Левин) Л.Н.¹⁰

Стоит отметить, что активность спецслужб ДВР находилась в прямой зависимости от активности иностранных разведок в ДВР. Под видом различных

миссий на русский Дальний Восток приезжали высокопоставленные дипломаты, реальной целью которых, как правило, была разведывательная деятельность.

Следует отметить, что значительную долю информации Дальбюро ЦК РКП (б) и правительство ДВР получали от ячеек Коминтерна в Корее, Японии и Китае, однако, авторы не ставят своей целью освещение данного вопроса.

В Главном управлении ГПО ДВР вопросами разведывательной деятельности за пределами территории страны занимался Секретно-оперативный отдел. После принятия решения 25 декабря 1921 г. ГУ ГПО и Военным советом НРА этими вопросами занимались и военно-полевые отделы, созданные в прифронтовой полосе на базе военных отделов¹¹.

При зарубежных миссиях ДВР действовали представительства ГПО, которым было вменено в обязанность вести работу по выяснению планов иностранных государств и белоэмиграции. Работа представителей спецслужб заключалась в освещении экономического и политического положения иностранных государств, в получении документов, имеющих ценность для Советского правительства. Однако нелегальным сотрудникам запрещалось поддерживать связи с официальными представительствами за границей.

При Уполномоченном осведомителе ГПО при Центральном управлении МИД был организован строго конспиративный осведомительный аппарат, всецело подчинявшийся в своей работе ГПО, которое через своего уполномоченного при ЦУ МИД руководило всей осведомительной работой в миссиях ДВР. Осведомители в миссиях за границей подбирались уполномоченными лично из сотрудников, не занимавших высокого положения в миссиях. Их назначение происходило в Чите, в каждую миссию МИД за границей направлялось не более одного осведомителя¹².

Правительство ДВР в борьбе за ликвидацию интервенции, прорыв политической и экономической блокады, активно использовало данные спецслужб. Международные переговоры стали главным средством решения тех целей, ради которых была создана Дальневосточная республика. Важнейшей составляющей успешного ведения переговоров была информация, позволявшая обнаружить истинные планы иностранных держав и, прежде всего Японии, в отношении Дальневосточной республики.

Значительную роль в процессе ликвидации интервенции, прорыве политической и экономической блокады сыграли Дайренская, Вашингтонская, Генуэзская и Чанчуньская конференции.

Летом 1921 г. Правительство ДВР в соответствии с директивами ЦК РКП(б), Дальбюро ЦК и Наркоминдела выступило с инициативой проведения новых переговоров с Японией об условиях прекращения интервенции на Дальнем Востоке. 12 июля 1921 г. Дальбюро ЦК, обсудив вопрос “О переговорах с японцами”, постановило: “Поручить т. Юрину, ведение переговоров в духе указаний ЦЕКА и Наркоминдела”¹³. 13 июля И.Л. Юрин направил ноту японскому правительству об открытии этих переговоров, предложение было принято. Местом переговоров был избран Дайрен (бывший порт Дальний).

Данные аналитиков из дипломатических кругов и разведслужб ДВР свидетельствовали, что Япония пошла на Дайренскую конференцию ввиду финансовых трудностей, возникших из-за интервенции. В 1921 г. на интервенцию было истрачено 100 млн иен, а на 1922-й г. планировалось израсходовать еще 55 млн. 1921-й г. Япония закончила с бюджетным дефицитом в 400 млн иен, внешняя торговля страны оказалась в значительной степени подорвана, золотой запас

уменьшился без малого на 100 млн иен. До 1922 г. интервенция стоила Японии около 1 млрд иен и унесла несколько тысяч жизней японских военнослужащих, не считая жизней российских граждан¹⁴.

Однако милитаристы в японском руководстве не сдавались и почти открыто заявляли, что не допустят, чтобы дайренские переговоры окончились компромиссом с ДВР¹⁵. Под прикрытием переговоров японцами велась подготовка к вооруженному нападению белых сил на ДВР со стороны Южного Приморья¹⁶.

Конференция проходила в сложных условиях. Перед ее началом для запугивания ДВР и оценки общественного мнения русского Дальнего Востока японская сторона распространила ложные сведения¹⁷.

Японская делегация заняла на переговорах жесткую позицию. Возглавлявший японскую делегацию бывший генеральный консул во Владивостоке Мацусима отказался заключить договор о дружбе между Японией и ДВР. Японская делегация постоянно настаивала на безусловной секретности переговоров и т.д.¹⁸

Негативное отношение к ДВР и ее дипломатам проявляли и китайские власти. Министру иностранных дел Китая делались неоднократные заявления и протесты в связи с задержанием дипломатических курьеров, досмотра их багажа и снятия копий с документов¹⁹.

5 сентября 1921 г. делегация ДВР внесла состоящий из 29 пунктов проект соглашения “О мире, дружбе и торговле”²⁰. 26 сентября японская делегация вручила свой проект “Соглашения о торговле и прочем”, который имел 17 открытых и 3 секретных пункта²¹. Принятие условий данного договора, по сути, превратило бы республику в полуколонию Японии.

Участовавший в переговорах в качестве представителя РСФСР Ю.Ю. Мархлевский, информируя НКВД РСФСР о ходе переговоров сообщил, что “японцы ведут двойную игру и на всякий случай не желают “компрометировать себя” официальными переговорами с нами...”. Основанием для такого заключения было то, что японцы шантажировали Петрова и Блюхера, угрожая перевести остатки врангелевских войск из Европы на Дальний Восток и двинуть их против ДВР²².

Перед началом работы конференции в распоряжение спецслужб ДВР попал ряд телеграмм — сообщений в Вашингтон американских агентов из Шанхая и Токио о формировании нового антибольшевистского японско-французского альянса в декабре-марте 1920—1921 гг. В частности, телеграмма Министерства иностранных дел Франции французскому военному представителю в Токио от 27 декабря 1920 г., в которой недвусмысленно предлагалось “искать связи с японским правительством, чтобы известный план не был неожиданностью для японцев”²³.

Кроме того, была получена информация о содержании заключенного в феврале-марте 1921 г. соглашения об условиях японской военно-политической поддержки белогвардейским силам, из которого следовало, что в случае освобождения территории Сибири от большевиков, Япония получала в Сибири полную свободу действий (в тексте — “полное господство”).

Все действия русских властей, связанные как с административным управлением, так и с деятельностью военных сил, организованных на милиционных началах, должны были осуществляться под строгим японским надзором. Все концессии на территории Сибири поступали в распоряжение Японии. Право передачи концессий и выработки условий такой передачи третьим государствам принадлежало исключительно японскому правительству.

КВЖД передавалась в распоряжение русских властей, однако управление дорогой должно было осуществляться под надзором Японии. Япония получала также исключительное право покупки дороги, в случае принятия решения русской стороной о ее продаже. Соглашение фиксировало возможность продажи КВЖД, невзирая на то, что по заключенному с Китаем контракту продажа дороги допускалась только через 27 лет.

В пунктах, имевших для Японии стратегическое значение, за императорским правительством закреплялось право держать военные силы в количестве, признаваемом им необходимым.

Ответные обязательства Японии в отношении “белого движения” сводились к следующему:

эвакуировать на Восток армию Врангеля, вооружить и обеспечить ее всем необходимым для военных действий; снабжать белую армию деньгами и военными материалами и после начала военных действий; оказывать поддержку всем борющимся с большевизмом организациям, объединяющим белых офицеров, солдат, казаков; после освобождения Сибири от большевизма, японские власти обязались оказать поддержку для неотложной транспортировки новой русской администрации и общественных организаций белого движения на освобожденные территории²⁴.

Кроме того, осенью 1921 г. в руки спецслужб ДВР попали новые материалы, в том числе радиogramмы американских агентов из Токио и Шанхая в Вашингтон, а также инструкции японского военного министра Генеральному штабу императорских экспедиционных войск во Владивостоке²⁵.

Для делегации ДВР и Советской России, ведущих переговоры в Дайрене с Японией, содержание этих радиogramм, отражавших истинные намерения их контрагентов на дипломатическом поле, представляло исключительно важную информацию и позволило занять жесткую линию на переговорах.

24 ноября 1921 г. Политбюро ЦК утвердило предложение Г.В. Чичерина о “максимальном затягивании переговоров” в Дайрене в качестве тактики российской дипломатии, с тем, чтобы иметь возможность “обождать результатов” Вашингтонской конференции²⁶. Данная позиция подкреплялась также наличием информации о возможной позиции США на предстоящих переговорах²⁷.

США опасались, что в рамках проведения переговоров в Дайрене будет заключено соглашение между ДВР и Японией. В связи с этим в Читу был направлен неофициальный представитель Колдуэлл, бывший в этот период консулом в Кобе. Миссия Колдуэлла должна была создать у руководства ДВР впечатление, будто США всерьез намерены пойти на установление отношений с республикой и тем самым помочь делегации ДВР в Дайрене устоять перед японскими притязаниями²⁸. Одновременно пребывание Колдуэлла в Чите должно было оказать сдерживающее воздействие на японскую военщину, лишить ее свободы действий на Дальнем Востоке, заставить считаться с интересами США. В Чите побывали и другие американские миссии из США²⁹. В то же время американскому консулу в Дайрене Кирджасову было поручено сообщить делегатам ДВР об отрицательном отношении Вашингтона к каким-либо территориальным или административным изменениям в Восточной Сибири (прозрачный намек на заинтересованность США в том, чтобы без их участия не было достигнуто соглашение между ДВР и Японией)³⁰.

Но 9 декабря 1921 г. Дайренская конференция была прервана из-за наступления белоповстанческих отрядов, вооруженных японским командованием.

Иницилируя поход белых сил против ДВР, Япония стремилась расширить зону своего влияния, закрепить это положение на Вашингтонской конференции, поставить США перед фактом и предотвратить их вмешательство в сибирскую политику Токио³¹.

К середине апреля 1922 г. на переговорах в Дайрене с Японией был согласован проект “Торгового и общего соглашения” и большинство статей “Соглашения о предметах военного характера”. Не был согласован только вопрос о сроках вывода японских войск из Приморья³². 15 апреля японцы предложили новую редакцию уже согласованных статей и в ультимативной форме требовали их подписания. Японская сторона отказалась от фиксации точной даты вывода своих войск из Приморья. Делегация ДВР отказалась принять требования Японии. 16 апреля 1922 г., то есть уже после окончания Вашингтонской конференции делегация Японии прервала переговоры и выехала в Токио. 24 апреля правительство ДВР в своей ноте возложило ответственность за срыв переговоров на правительство Японии³³.

Президент США У. Гардинг выступил с инициативой провести в Вашингтоне международную конференцию по ограничению морских вооружений еще в июле 1921 г. На ней также предполагалось обсудить политическую ситуацию на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Вашингтонская конференция, как и Версальская, должна была закрепить раздел мира между великими державами после первой мировой войны. Она показала с необычайной яркостью противоречия интересов между многими государствами, почти официально состоящими в союзе, и предопределила сдвиг в сторону новых дипломатических соглашений и союзов. Конференция проходила с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г., т.е. одновременно с Дайренской конференцией.

Представителями ДВР на Вашингтонской конференции были назначены П.М. Караваев, Б.Е. Сквирский, А.А. Языков³⁴.

В начале декабря 1921 г. Делегация ДВР прибыла в Вашингтон и вручила Госдепартаменту свои полномочия на право представительства ДВР в США и на участие в Вашингтонской конференции, однако, к участию в работе конференции допущена не была. США и другие страны хотели, чтобы Япония была щитом против большевизма на Дальнем Востоке, но не желали укрепления ее позиций в регионе. Вашингтон был даже готов пойти на уступки Японии в т.н. “сибирском вопросе”³⁵. Япония же опасалась, что на Вашингтонской конференции в рамках обсуждения дальневосточного вопроса, будет принято решение, которое ущемит ее интересы в этом регионе.

В конце декабря 1921 г. делегация ДВР опубликовала в Вашингтоне серию попавших в руки спецслужб ДВР секретных японо-белогвардейских и франко-японских документов, разоблачавших цели Японии на Дальнем Востоке. Опубликованная делегацией ДВР французская нота от 2 сентября 1921 г. раскрывала существование тайного сговора этих стран относительно Вашингтонской конференции и дипломатического блока, направленного против Америки. Опубликованный текст ранее полученного договора, подписанного 12 марта 1921 г. представителями Японии, Франции и белогвардейцами, предусматривал превращение Дальнего Востока в японскую колонию. Франция и Япония должны были согласно договору, перебросить армию Врангеля из Европы на Дальний Восток, снабдить ее оружием и деньгами и при помощи белогвардейцев свергнуть правительство ДВР. Не менее ясно политика Японии вскрывалась и в дру-

гих опубликованных делегацией ДВР документов, разоблачавших, в частности, поддержку, которую Япония оказывала атаману Семенову и барону Унгерну.

Документы, обнаруживающие существование секретного соглашения между Японией и Францией о создании на Дальнем Востоке подчиненного Японии марионеточного белогвардейского государства³⁶, были представлены прессе. Все это делалось делегацией ДВР для того, чтобы усилить разногласия между США и Японией и не допустить формирования нового объединенного фронта держав против РСФСР.

Дело в том, что японская делегация представила в Вашингтоне “Предварительный протокол реформ, подлежащих введению на территории бывшей Российской Империи, ныне именуемой “Дальневосточная республика”³⁷. Этот документ был разработан в январе 1922 г. по взаимному соглашению представителя Японии в Вашингтоне Сидехары и представителя Франции Бриана, которые и составили свою комиссию для уточнения и обсуждения протокола. Ранее министр иностранных дел Японии виконт Утида и представитель Франции Ж. Жоффер пришли к принципиальному согласию о совместной защите своих интересов на Генуэзской конференции. Правда, в соглашении оговаривалось, что послы Японии и Франции в Генуе могли вести сепаратные переговоры с представителями РСФСР, если они могли привести к успеху.

В основу вышеуказанного Протокола были положены материалы заседаний Вашингтонской конференции по Дальневосточному вопросу, предварительных переговоров представителей держав и многочисленные доклады и жалобы иностранных резидентов и некоторых русских политических групп (скорее всего — представителей Белого движения) “на усилившуюся анархию на Дальнем Востоке”. По замыслу Утиды он должен быть представлен и реализован на предстоящей Генуэзской конференции, если Советская Россия не примет условий иностранных держав по возврату долгов, реституции имущества и компенсации за т.н. “никлаевский инцидент”.

В письме французскому маршалу Жофферу Утида предлагал внести в протокол требование о возобновлении торговых отношений с Советской Россией на условиях Японии и Франции. Он также требовал роспуска Президиума III Интернационала “с обязательством не созывать интернациональных съездов, направленных на коммунизацию государств и колоний”.

Протокол (и другие документы, попавшие в руки разведки ДВР во Владивостоке) предполагал ввод на российский Дальний Восток международных сил, в которых главную роль должны играть японские войска. “Предварительный протокол” состоял из XXI главы и 59 параграфов. Суть документа состояла в следующем. На территории ДВР образуется одна область, включающая и Камчатку. Область должна делиться на округа (губернаторства), уезды (департаменты), волости (общины). Это административное деление закреплялось комиссией из состава представителей великих держав. Область должна управляться губернатором по назначению на 5 лет вышеуказанной комиссией. Согласно документу, генерал-губернатор должен являться главой исполнительной власти со своим штатом советников. Он назначает всех лиц администрации и судей. Ему подчиняются все военные силы, причем последние должны предоставляться “непосредственно граничащим правительствам”, т.е. японскому. Милиция и жандармерия должны формироваться из местных жителей по принципу добровольческого набора, а также из частей, эвакуированных из Европы. Речь шла о бывшей армии Врангеля. Народно-революционная армия ДВР должна быть распущена (глава III, XI, XII). При генерал-губернато-

ре образуется административный совет совещательного характера. Часть советников должна назначаться Токио, еще 6 (3 русских и 3 иностранных) должны избираться областным собранием и назначаться международной комиссией.

В главе V говорилось об Областном собрании, избираемом из представителей всех народностей (или партий) на 5 лет. Собрание должно законодательствовать по всем вопросам, касающимся интересов области, но его решения должны утверждаться генерал-губернатором. Он же мог распустить собрание. Собрание должно собираться раз в год на двухмесячную сессию во Владивостоке (главы V, VII, и XIV). Однако в документе не были определены ни правила выборов, ни нормы представительства. По сути, японцы мечтали о марионеточном парламенте. Активным и пассивным избирательным правом могли пользоваться только оседлые жители.

Все законы и постановления должны издаваться на русском и японском языках. Чиновники и судьи могли назначаться из русских и японских подданных (главы XIII и XV).

В главе X была определена общая компетенция уголовных, торговых и духовных судов, но судьи должны были назначаться генерал-губернатором.

Каждая народность могла основывать частные школы, где преподавание должно вестись на родном языке. Высший надзор за школами принадлежал генерал-губернатору (глава XVI).

Права и привилегии русских подданных должны обеспечиваться особым меморандумом, который должен быть выработан в Генуе (глава XVIII). Конференция в Генуе должна была определить, по мнению разработчиков документа, и права русской буржуазии.

Статут области вырабатывается комиссией из делегатов заинтересованных держав (главы XX—XXI).

Таким образом, была создана не только модель японского оккупационного режима под международным флагом, но и предпринята попытка распространения ее по всей России.

Представителям Франции, Англии и США были направлены Препроводительные письма к Протоколу. В письме британскому послу в Токио министр иностранных дел Японии Утида предлагал поддержать прилагаемый проект в Генуе.

В депеше японскому послу в Вашингтоне барону Сидехаре от 15 февраля 1922 г. предписывалось обратить внимание правительства США на тесную связь РСФСР и ДВР и опасность, исходящую от них. Токио заявлял, что он выступает против раздела бывшей Российской империи, но целостность России зависит от умиротворения ее окраин. Если советские представители не примут условия, предложенные им в Генуе, необходимо немедленно провести реформы, обозначенные в Протоколе. В депеше также отмечалось, что белое Временное Приамурское правительство слабо и неопытно, и это не может оставлять японское правительство «равнодушным зрителем»³⁸.

Речь, таким образом, шла о попытке создания единого фронта против РСФСР и ДВР, военном шантаже и угрозе новой союзной интервенции против нашей страны. В.И. Ленин не был уверен, что конференция в Генуе не будет сорвана до того, как советской делегации удастся огласить свою программу. Вот почему важно было не допустить создания единого нового антисоветского альянса³⁹.

Барон Сидехара получил от японского правительства инструкции опровергать все заявления делегации ДВР в США и материалы в американской

прессе относительно этого документа⁴⁰. Но протокол лишний раз подтвердил наличие японо-французского сговора против РСФСР и ДВР. Эффект от публикаций японо-французских документов был колоссальный. Впечатление, произведенное ими на участников конференции, журналисты сравнивали с “взрывом бомбы”. Сенат США решил внести в свои протоколы полный текст брошюры о японской агрессии, изданной делегацией ДВР в Вашингтоне⁴¹.

23 января 1922 г. на конференции обсуждался “сибирский вопрос”, который после публикации документов делегацией ДВР уже нельзя было замалчивать. 28 января 1922 г. делегация ДВР в Вашингтоне выступила с Меморандумом к делегациям стран-участниц конференции о немедленном выводе японских войск с территории Дальнего Востока. Делегация Дальневосточной республики подчеркивала лицемерие Японии, которая только за 1921 г. одиннадцать раз давала обещание вывести свои войска с российского Дальнего Востока, но так и не выполнила их⁴².

Японское предложение не было принято ни в Вашингтоне, ни в Генуе в силу правильной тактики дипломатии РСФСР и ДВР, основанной на наличии достоверной информации о планах противника, из-за укрепления позиций Советской России, заинтересованности держав в экономических отношениях с Советской страной и Дальневосточной республикой, близости окончания Гражданской войны и интервенции в России. Это был успех дипломатии ДВР и РСФСР: Японии не удалось организовать новую объединенную интервенцию против Советской России⁴³. И хотя США пытались вести дело одновременно и с правительством ДВР, и с белым приморским режимом, выступая против своего конкурента Японии, они объективно способствовали прекращению японской интервенции на российском Дальнем Востоке. Кроме того, часть американских бизнесменов и политиков выступала за улучшение отношений между США и РСФСР и ДВР.

Вашингтонская конференция закончила передел мира, сложившегося после первой мировой войны. В Вашингтоне дипломатия США добилась успеха в дальневосточных вопросах. Значительные уступки сделала Великобритания в целях борьбы с Японией и Францией⁴⁴. Япония уступила США в китайском вопросе и обещала вывести свои войска с российского Дальнего Востока, правда, без указания срока⁴⁵.

Можно с уверенностью констатировать, что ослабление позиций Японии на Вашингтонской конференции способствовало твердой политике делегации ДВР на Дайренских переговорах. Однако американская администрация не признала ни РСФСР, ни ДВР, что мешало развитию сотрудничества США с нашей страной.

Вряд ли можно считать совпадением то, что именно в марте — апреле 1922 г. делегация ДВР в Дайрене отклонила возможность подписания скорректированных условий договора с Японией под тем предлогом, что этот договор по-прежнему не определил дату окончательного вывода японских войск с территории российского Дальнего Востока.

Таким образом, деятельность дипломатических представителей на конференциях, ведение неофициальных переговоров, политика “сталкивания” интересов США и Японии на Дальнем Востоке, основанная на своевременной и достоверной информации, полученной, в том числе, и от спецслужб РСФСР и ДВР, дала свои положительные результаты.

Дальневосточная республика способствовала ликвидации интервенции без войны с Японией, сохранению единства страны и восстановлению геополитических позиций России на Тихом океане.

Глава советского правительства писал: “...если мы достигли того, что японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили о своем уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга нашей дипломатии”⁴⁶. В этом была заслуга и спецслужб Дальневосточной республики.

1. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 552, л. 84.
2. Там же. Д. 171, л. 106; д. 565, л. 22—23.
3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 140, 550—551.
4. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, л. 552, л. 208.
5. *Васильченко Э.А.* Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке, 1920—1922. Владивосток, 1984. С. 29.
6. Там же. С. 31.
7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), Ф. 963, оп. 1, д. 1, л. 343, 388—389.
8. *Зданович А.А.* Организация и деятельность органов военной контрразведки в Народно-революционной армии Дальневосточной республики (1920—1922 гг.) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. 1. С. 64—65.
9. *Васильченко Э.А.* Указ. соч. С. 32.
10. *Буяков А.М.* Указ. соч. С. 178, 181.
11. *Зданович А.А.* Структура Госполитохраны ДВР, 1920—1922 гг. // Изв. Гос. архива Приморского края. 2007. С. 71.
12. РГАСПИ, Ф. 372, оп. 1, д. 552, л. 13.
13. *Шерешевский Б.М.* В битвах за Дальний Восток (1920—1922 гг.). Новосибирск, 1974. С. 106—107.
14. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 127, д. 8, л. 27.
15. Там же. Ф. 372, Оп. 1, Д. 108. Л. 52—52 об.
16. 26 мая 1921 г. остатки белой армии с помощью японцев совершили переворот в Приморье. К власти пришло Временное Приамурское правительство (ВПП) во главе с братьями С. Д. и Н. Д. Меркуловыми. Антибольшевистскими силами был создан, по сути, белогвардейский буфер внутри ДВР, который поначалу был ограничен небольшой территорией Приморья. С нотой протеста против поддержки японцами белогвардейцев в начале июня 1921 г. выступили правительство Дальневосточной республики и правительство РСФСР. В ноте, направленной правительствам Англии, Франции и Италии указывалось на их поддержку правительства Японии в его завоевательной политике в Сибири. В. И. Ленин оценил белый переворот как начинающуюся интервенцию японцев в Дальневосточной республике (См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 352; *Мостовец Н.В.* Дайренская конференция // Учен. зап. АОН. Вып. 2. Вопросы всеобщей истории. М., 1948. С. 283, 284, 287).
17. 24 июня 1921 г. в эмигрантской харбинской газете “Новости жизни” была помещена статья, в которой сообщалось, что заместитель министра иностранных дел ДВР И. С. Кожевников и член японской дипломатической миссии Шимада заключили временное русско-японское секретное соглашение, состоявшее из 10 пунктов. Часть пунктов прямо совпадала с японскими предложениями в Дайрене. (См.: Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 548).
18. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 08, оп. 5, п. 3, л. 16, л. 38—44.
19. Там же. Ф. 492, оп. 1, п. 2, л. 4, л. 130—132, 140—141.
20. ДВП СССР. М., 1960. Т. 4. С. 724; Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 — ноябрь 1922 гг.): Док. и материалы. Ч. 2. Владивосток, 1993. С. 166—168.

21. Там же. С. 784; С. 161—166.
22. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, д. 1950, л. 1, 2.
23. *Фукс М.* Планы “сине-оранжевой войны” и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке, 1920—1923. — <http://zaimka.ru/soviet/fuchs2/shtml>.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. 9 февраля 1921 г. агент под псевдонимом “Магит” проинформировал члена Дальбюро, председателя Совмина ДВР П. Никифорова о своей встрече с неким сотрудником американской миссии во Владивостоке, по фамилии Смит. В соответствии с информацией, предоставленной Смитом, вслед за вступлением в должность нового президента США Гардинга коренным образом должна была бы измениться политика Америки по отношению к России. Американские представители во Владивостоке уже получили директивы начать корректировку курса, чтобы поворот в российской политике не был бы замечен для стороннего наблюдателя. Суть этого нового курса должна была состоять в том, чтобы воздерживаться в дальнейшем от вмешательства во внутренние дела России, “дать России самоопределяться, а также не допускать Японию хозяйничать”. По сообщению американского информанта, заметные сдвиги предполагались и в японском внешнеполитическом курсе в отношении России, поскольку возможность “сговориться о Дальнем Востоке” ассоциировалась для этой страны с именем президента Вильсона. В этой связи японская сторона начала предпринимать шаги по организации “организованного отступления” из Сибири, стараясь, чтобы эвакуация не походила на бегство. “Магит” сообщал в Читу: “Для Америки желательно, чтобы президентом был Никифоров, но не Краснощеков. (См.: *Фукс М.* Указ. соч.).
28. ГАРФ. Ф. 391, оп. 2, д. 7 а, л. 443.
29. 7 июля 1921 г. из Пекина выехала сначала во Владивосток, а затем в Читу, Благовещенск и Хабаровск, американская миссия в составе советника пекинского посольства Эббота, военного атташе полковника Дейвиса и вице—консула США во Владивостоке Смита. Миссия была тепло встречена в ДВР и, очевидно, составила себе о новой республике неплохое представление, Смит был оставлен в Чите в качестве “неофициального” американского консула, а Эббот срочно выехал для личного доклада в Вашингтон. Позже Смита сменил Колдуэлл, а его, в свою очередь, американский разведчик майор Феймонвилл. Летом—осенью 1922 г. в ДВР побывали американские журналисты Симон Лери и Дрю Пирсон. (См.: ГАХК. Ф. П-44, оп. 1, д. 144, л. 70; д. 159, л. 274—275; Дальневосточная республика. Ч. 2. С. 73—75; Вехи, Хабаровск. 1922. 29 сент.; *Парфенов П.С.* (Алтайский) Борьба за Дальний Восток, 1920—1922 гг. Л., 1928. С. 324).
30. Дальний Восток России в период революции 1917 г. и гражданской войны. С. 551—552.
31. *Мостовец Н.В.* Дайренская конференция // Учен. зап. АОН. Вып. 2. Вопр. всеобщей истории. М., 1948. С. 287; *Карр Э.* История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923. М., 1990. Т. 1—2. С. 285—287.
32. Дальневосточная республика. Ч. 2. С. 179—185.
33. ДВП СССР. М., 1960. Т. 4. С. 270—272; Дальневосточная республика. Ч. 2. С. 185—189; Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 551.
34. 7 июля 1921 г. Дальбюро ЦК РКП (б) постановило поставить вопрос перед ЦК осылке миссии ДВР в США и отпустить для этой цели 10 тыс. руб. золотом (См. РГАСПИ. Ф. 372, оп.1, л. 54, л. 110).
35. Дальний Восток в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 552—554.
36. *Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н., Ширяев В.А.* Новый документ по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке России // Пятыне Гродековские чтения: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. “Амур — дорога тысячелетий”/под. ред. С. В. Гончаровой. Хабаровск, 2006. Ч. 2. С. 108—109.

37. Николаев С. “Маки-Мираж”: Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000. С. 16—17; Чумаков Н.С. За рекой — главный противник // На защите Отечества. Хабаровск, 2001. С. 44; Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н., Ширяев В.А. Указ. соч.
38. Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н., Ширяев В.А. Указ. соч. С. 109—111.
39. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 34. В кругах европейской белоэмиграции бытовало мнение, что если Генуэзская конференция сорвется, то правительство РСФСР вынуждено будет начать “с помощью голодных масс Красной армии” военные действия против Польши и Румынии. Франция же и Сербия окажут помощь Врангелю и Петлюре и организуют новую интервенцию против Советской России. 3 марта 1921 г. между Румынией и Польшей было подписано соглашение о взаимной военной помощи в случае конфликта на восточных границах. Наблюдалось большое оживление среди белогвардейцев за рубежом. Началось формирование белых войск в Финляндии, Румынии, Болгарии, Польше. Это подтверждалось данными ОГПУ. Слухи о новой интервенции поддерживались Францией для предотвращения советско-германского сближения и для контроля над военными формированиями русской эмиграции в Европе (См.: ДВП СССР. М., 1959. Т. 3. С. 591; Дальневосточная республика: Становление... Ч. 2. С. 159—190; Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. I. Кн. 2. С. 26, 220, 223, 246—248, 261, 302, 609; Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток. С. 123—124; Макаров В.Г., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. N 5. С. 231.
40. РГАСПИ. Ф. 372, оп. 1, л. 1181, л. 42—43.
41. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 553.
42. ДВП СССР. Т. 5. М., 1961. С. 712.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 245—246.
44. Продолжающаяся японская интервенция на российском Дальнем Востоке вызвала обеспокоенность не только США, но и Великобритании. Кроме того, США стремились всеми силами расстроить англо-японский союз. Под давлением США, а также из-за новой расстановки сил на Тихом океане после первой мировой войны Великобритания отказалась от англо-японского союза. Более того, в Англии даже рассматривались потенциальные угрозы колониям и доминионам Лондона и планы войны с Японией. На Имперской конференции в 1921 г. подчеркивалось, что коммуникации Токио в случае войны будут перерезаны, а единственными портами, откуда японцы смогут черпать сырье и пропитание, останутся Пусан и Владивосток. Таким образом, Владивосток в то время рассматривался как важный стратегический пункт, усиливавший позиции Японии на Тихом океане (См.: Лихарев Д.В. Трудный выбор: морская политика Великобритании и англо-японский союз (1919—1922 гг.) // Международные отношения в Тихоокеанском регионе в XIX-XX веках. Межвуз. сб. науч. статей. Хабаровск, 1997. С. 105, 112—113).
45. История дипломатии. Том 3. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939 гг.). М., 1965. С. 144—146.
46. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 246.